

ГЛАВА 1

ЛИСА ЧЕРНАЯ, ЛИСА БЕЛАЯ

Деревня Сиракава, как всегда казалось Генко, появилась среди гор совершенно внезапно и со временем все глубже зарывалась корнями в эти земли. Рисовые террасы, что летом и осенью зеленели повсюду, куда ни посмотри, крутые крыши, что выдерживали тяжесть выпадающих снегов, и абсолютная отрезанность от остального мира. Порой Генко не понимала, почему люди вообще решили здесь поселиться, если с конца осени и почти до середины весны они никуда не могли выбраться. Дороги заваливало такими непроходимыми сугробами, что путь в столицу был отрезан, а когда снега сходили, то болото, в которое превращалась земля, продолжало препятствовать поездкам. Саму Генко это устраивало — чем меньше людей, тем лучше.

Несмотря на то что почти заканчивался яёй*, снег в этом году не спешил сходить, из-за чего Генко недовольно ворчала, пробираясь по заметенной торговой улице. Капля волшебного тумана — и вместо коварной лисы жители видели старую знакомую, госпожу Нисияму, чью-то дочь. Только вот чью, вспомнить они не могли, да и не пытались,

---

* «Месяц произрастания», март.

одурманенные чарами. Это позволяло Генко навещать деревню, чтобы разжиться чем-то новеньким или сладким. Лисы бесшумными тенями скользили за своей хозяйкой, дразня собак, прячась в тени высоких — в два, а то и три этажа — домов и порой стягивая с прилавков то отрез яркой ткани, то тушку цыпленка, то пучок зеленого лука. Генко же подкидывала в кошельки торговков и торговцев звонкие монеты и отводила взгляд продавцов, чтобы никто из них не заметил пропажу. Останавливаться и говорить с людьми она желала редко. Хотя и платила не всем — особо ворчливые или же завышающие цены оставались без прибыли и с отсутствующим товаром. Тогда по торговой улице разносилась отборная брань, перекрывая злорадное хихиканье Генко.

- Свежая рыба! Выловлена этим утром!
- Молодой поросенок!
- Хурма! Хурма, юдзу*, сливы и мандарины!

Голоса торговцев, что перекрикивали друг друга, сливались в один нестройный шум, который давил на Генко, но она упрямо продолжала шагать вперед, точно зная, что ей нужно. Почти в самом конце торгового ряда располагалась маленькая лавка сладостей, где продавали данго**, за которыми кицунэ сегодня и пробралась в деревню.

Простое, но излишне теплое и потому тяжелое кимоно не давало двигаться быстро, но так даже лучше — порывистые движения Генко сразу бы выдали в ней ёкая. Как и яркое и не по погоде легкое одеяние, которое она обычно носила. Люди и их практичность. И слабое здоровье, конечно, про него нельзя было забывать. Только поэтому, спускаясь в деревню, Генко и надевала одежду потеплее. Даже если это и приносило некоторые неудобства.

---

* Фрукт рода Цитрус. Гибрид мандарина и лимона.

** Сладкие шарики из клейких сортов риса.

— О, госпожа Нисияма! — Старая женщина, владелица лавки со сладостями, беззубо улыбнулась и мгновенно засуетилась, стоило только Генко приблизиться. — Вам как обычно?

Генко кивнула, отвечая на улыбку и отстраненно думая, что вскоре придется менять облик скрывающего ее тумана и имя. Сколько она уже ходила под личиной Нисияма Кику? Четыре года? Пять? В любом случае слишком долгий срок. Еще немного — и даже последний деревенский глупец начнет задаваться вопросом: почему госпожа Нисияма ни капли не постарела? Не говоря уже о том, что ее руки слишком нежные для той, которая якобы работает в поле большую часть года.

Шум на другой стороне улицы отвлек Генко от размышлений, вернув ее в реальность. Излишне возбужденные и радостные голоса деревенских заставили насторожиться, и спрятанные магией лисьи уши едва не встали торчком, готовые уловить малейший намек на опасность. Счастливо галдящие люди никогда не предвещали ничего хорошего.

— В этом году точно все будет замечательно!

— У дочери свадьба на следующей неделе — будет у молодых радость в супружеской жизни!

— Торги будут удачными!

— Не может быть более очевидного благословения от Инари-сама, чем это!

Генко скривилась, словно съела особенно кислый юдзу. Стоило людям упомянуть Инари-сама — как все сразу встало на свои места.

Бьякко. Эта белая прохвостка опять прибыла с какой-то особой целью и в очередной раз пыталась навязать Генко свои условия. Вот только не на ту напала.

Генко решительно отвернулась от шумящей толпы, безошибочно выцепив взглядом мелькнувший среди прилавков белоснежный хвост с серебристым кончиком. Бьякко

хотела заставить Генко играть по своим правилам, как делала это прежде, да только не для того Генко уже почти две сотни лет жила рядом с людьми, чтобы вновь безоговорочно следовать за младшей сестрой. Генко не собиралась оборачиваться лисой и догонять Бьякко, которая, как и все, забыла о неуютной старшей сестре. В конце концов, узнать последние небесные сплетни — с чем еще могла прийти к ней Бьякко? — она могла с помощью sake* от редкого гостя Нурарихёна**, который последние три десятилетия безуспешно пытался затянуть Генко на свой парад сотни демонов.

Так что нет, она не пойдет за Бьякко, как бы сестре того ни хотелось.

Расплатившись со старухой парой монет, Генко двинулась в сторону местного питейного заведения, быстро съедая сладкие шарики с острой палочки. Не то чтобы она любила выпить, но почти все ее знакомые ёкаи отдавали предпочтение sake, а потому и Генко приходилось приспосабливаться к столь ужасным вкусовым пристрастиям. Отсутствие большого круга общения приучило ее быть вежливой и приветливой хозяйкой. Сама она предпочла бы насладиться чаем с данго. Не стоило, наверное, смешивать эти два вкуса. Когда-то давно Генко переняла привычку запивать данго чаем у детей и с тех пор ей не изменяла.

Единственная питейная в деревне встретила Генко красным занавесом и незажженными фонарями. Круглолицый владелец, низкий, удивительно худой и излишне бледный,

---

* Традиционный японский алкогольный напиток, изготавливаемый на основе риса.

** Нурарихён — ёкай, который выглядит как добродушный старик с большой головой. Часто изображается как лидер всех демонов, который руководит парадом сотни демонов — шествием всех ёкаев в ненастные ночи по улицам Японии.

не выказал ни капли удивления при виде молодой девушки, однако посмотрел на Генко осуждающе. Поклонившись в знак приветствия, он молча повел ее за собой в дальний угол, хотя кицунэ о такой приватности и не просила. Это происходило не в первый раз — владельцу не было дела до желаний посетительницы, он пытался поддерживать внешний вид добропорядочного хозяина, который не спаивает молоденьких девиц.

Люди и их глупые правила поведения.

Генко немного ускорила шаг, решив не портить впечатление о себе: она намеревалась еще пару раз сюда зайти. Кислый запах болезни шлейфом тянулся за владельцем, объясняя его необычайную бледность. Генко повела пальцами, распутывая сковывающий его мрак, и увидела потоки ки* — истончившиеся, бледные, поддерживаемые одной лишь силой воли. Наверняка яд. Любопытно, кто же травит владельца единственной питейной в деревне?

Люди постоянно причиняли друг другу зло и при этом обвиняли в своих несчастьях всех известных ками и ёкаев, поэтому Генко отмахнулась от мыслей о судьбе владельца и уселась на татами, поправила кимоно и вперила взглядом в дверь. Бьякко не торопилась. Очевидно, она ожидала, что именно сестра придет к ней, как это бывало прежде. Жаль только, что обстоятельства и взгляды Генко на жизнь изменились.

Хозяин питейной уже принес и выпивку, и закуски, когда белая лиса соизволила объявиться. Длинная морда выражала крайнее возмущение как выбранным местом, так и тем, что Бьякко лично пришлось сюда идти, но она ничего не смела сказать. Когда владелец расставил закуски на столике и ушел, а помещение погрузилось в приятную

---

* Ки (от *кит.* ци) — концепция в культуре, характеризующаяся как духовная энергия, которая пронизывает все мироздание.

тишину, лиса обратилась в человека и опустилась на татами точно напротив Генко. Бьякко расправила несуществующие складки на богатом кимоно, прежде чем посмотреть на ту, кого посетила.

Они были двумя противоположностями, совсем как инь и ян. Бьякко — белая от корней своих длинных волос и до посеребрённых кончиков всех девяти хвостов, со светло-серым, как морозное утро, прищуром, и Генко — с угольной чернотой лоснящихся прядей и глазами столь темными, что беззвездная ночь порой казалась яснее. Густой туман скрывал их сейчас от любопытства смертных, но позволял быть самими собой друг перед другом.

— Не знала, что ты любительница крепких напитков, старшая сестра, — начала Бьякко, прекратив рассматривать Генко и сосредоточившись на столе.

— Я любительница чая, но приличного заведения такого рода здесь еще не открыли. Люди предпочитают забыться, а не наслаждаться мягким вкусом маття, — проворчала в ответ Генко, уверенным движением взяв тонкий кувшин и ловко наливая sake в пиалу, которую протянула сестре.

— А выглядит, будто ты здесь частый гость. — Бьякко кивнула и, едва пригубив напиток, тут же отставила его в сторону. — И, думаю, некоторые люди могут наслаждаться и sake. Вряд ли все пьют его только для того, чтобы забыться. Ценители есть везде и во всем...

— Бьякко, — оборвала сестру Генко. — Ты прибыла сюда не для того, чтобы обсуждать со мной выпивку. В чем дело?

— Инари-сама интересуется тобой, — тут же ответила она, поджав губы.

— И ты?..

— Пришла, чтобы понять, готова ли ты вернуться к нашей богине.

Генко промолчала и допила sake Бьякко. Ей нужно было чем-то себя занять, даже если это означало осушить пиалу.

Не то чтобы она не ожидала, что Инари когда-то вспомнит о своей падшей слуге, но не думала, что это произойдет спустя столько времени. Несколько десятилетий — обычный срок для наказания, но Генко провела на земле без возможности вернуться на Небеса куда дальше. Порой она боялась, что о ней забыли, но потом навевались старые знакомые, посланники ками и некоторые ёкаи, — и тогда Генко понимала, что она есть, что еще жива.

— Судя по всему, я не готова. — Голос звучал на удивление ровно, хотя внутри все дрожало от волнения. Генко глубоко вздохнула, задержала дыхание и уже куда спокойнее посмотрела на Бьякко, взгляд которой был задумчивым и немного грустным.

— Инари-сама хочет вновь видеть тебя рядом с собой.

— А ты? — тут же спросила Генко.

— Как никто другой, — не раздумывая ответила Бьякко.

— Раньше, помнится, ты меня на дух не переносила.

— Раньше я не понимала, что значит быть единственной посланницей нашей ками-сама! То, что прежде делилось пополам, теперь свалилось на меня одну, и я не могла взять и сказать, что это слишком тяжело!

— Куда делись остальные помощники? — Вспышка Бьякко повеселила Генко.

— Они абсолютно бесполезные! — возмутилась Бьякко, схватив кувшин, и наполнила пиалу, что забрала у Генко. — Конечно, те, что прежде подчинялись мне, и дальше продолжают помогать во всем, но твои лисы!.. Они неуправляемые! Сотню лет они еще как-то старались что-то делать, но последние несколько десятилетий совершенно разленились!

— В следующий раз, когда их увидишь, пригрозь, что угостишь листьями жареного бадьяна, — расхохоталась Генко. Кто бы мог подумать, что ее лисы окажутся столь безответственными, стоит потерять своего генерала!

Бьякко вздрогнула и поморщилась, представив себе этот вкус. Ни для кого не секрет, что кицунэ ненавидели бадьян. Зато лисы обожали жареных крыс. Какая кицунэ проболталась об этом людям, никто не знал, но остальные лисицы порой проклинали говорливую сестру, когда люди вычисляли их.

— Инари-сама будет ждать твою молитву во время Обона* этим летом, — немного помедлив, произнесла Бьякко. — Праздник поминовения усопших — хорошее время, чтобы покаяться и вновь объединиться с нашей богиней.

Генко кивнула, чувствуя, как ослабевает узел в груди. Только... все же почему так долго? Когда она задала этот вопрос сестре, Бьякко поморщилась:

— Я не знаю. Если честно, я всегда считала, что Инари-сама вернет тебя через год-другой, ведь ты была ее самой преданной помощницей, ее генералом. В крайнем случае лет через десять, но она так долго молчала, буквально забыла о тебе, вспоминая лишь изредка! А пару дней назад Инари-сама сказала, что твое наказание несправедливо затянулось.

Генко нахмурилась. Звучало не просто странно, а тревожно. Не то чтобы Инари была исключительно доброй богиней. Как и все kami, она проявляла жестокость в своих решениях и поступках. Нередко она лишала своих лис возможности стать кицунэ и изгоняла из свиты. Людей карала столь скудными урожаями, что их едва хватало, чтобы пережить зиму. Благодать покидала дома, начинались сорры. Никто не желал портить отношения с Инари.

---

* Обон, или Бон, — традиционный трехдневный праздник поминовения усопших, также известный как «Праздник фонарей». В это время люди вывешивали зажженные фонари, чтобы усопшие нашли путь домой. Отмечается с 13-го по 15-й день седьмого месяца по лунному календарю.

Но Инари помнила абсолютно всё, и подобная забывчивость была чем-то новым.

— На Небесах что-то случилось? — спросила Генко, обдумывая сказанное.

— Несколько мацури* так и не были проведены, из-за чего мелкие Kami оскорбились, и с тех пор их не видно, но больше ничего, — пожала плечами Бьякко, выбирая закуску к саке.

— Люди не провели пару праздников в их честь — и Kami разобиделись? — фыркнула Генко, закатывая глаза. Это было уже слишком. Люди постоянно обо всем забывали. Так стоило ли из-за этого так расстраиваться?

— Да, — кивнула Бьякко и вдруг резко вскинула голову, устремив пустой взгляд на сестру.

Генко знала, что происходит: Инари звала свою посланницу. Генко скучала по этим ощущениям: чувствовать, как благодать богини проходит сквозь все тело, наполняя мощью куда большей, чем кицунэ уже обладали, очищая и восстанавливая ки. Знать, что к тебе прикоснулось божество, благодаря которому ты фактически появилась на свет в облике кицунэ... Никто не знал желания Генко — хотя бы раз испытать все это вновь.

— Мне пора, — произнесла Бьякко серьезно и твердо. — До Обона меньше четырех месяцев, поэтому постарайся ничего не натворить за это время, хорошо? И еще — будь осторожна. В последнее время оммёджи** стали куда активнее обычного.

Только последние слова повисли в воздухе — как перед Генко уже стояла белоснежная лиса. Она взмахнула

---

* Фестиваль почитания бога.

** Человек, практикующий оммёдо — оккультное учение, состоящее преимущественно из совершения гаданий, изгнания злых духов и защиты от проклятий.

на прощание хвостом и умчалась на улицу, оставив после себя легкий запах магнолии.

Оммёдзи? Генко застонала. Только их не хватало! Эти одаренные, или — как их любили называть люди — благословенные, чаще всего пытались изгнать или убить всех подряд, не раздумывая, добрый перед ними ёкай или злой. Почти во всем, что существовало в этом мире, жил свой дух, и порой по ошибке можно было изгнать того, кто защищал человека. Но кого это интересовало? Последователям оммёдо только и нужно было, что бахвалиться друг перед другом количеством уничтоженных ёкаев.

Оставив на столе плату за sake, Генко плавно поднялась с татами и бесшумно растворилась в тумане, обратившись в черную лису. В этом облике вернуться домой, чтобы все обдумать, было быстрее, да и притворяться человеком сейчас совершенно не хотелось. Сопровождающие ее лисы рыжими тенями скользили следом, мастерски избегая людских глаз. Начался снегопад, обещая скрыть следы лап.

«Последний снег этой весной».

Лисы громко затавкали, подтверждая мысли Генко, и ускорились, уходя выше в горы.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

